

**НЕМЦЫ В СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВАХ КУЛУНДЫ 1940–1960-Х ГОДОВ:
ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ АДАПТАЦИИ***

Кулундинская степь занимает часть территории нынешних Алтайского края и Новосибирской области России, Павлодарской области Республики Казахстан. Ныне в северной части Кулундинской степи находятся четыре административных района Новосибирской области: Чистоозерный, Купинский, Баганский, Карасукский.

С момента аграрной реформы 1906–1911 гг. Кулунда является приоритетным для земледельческой колонизации регионом Сибири. В 1906–1911 гг. на ее территории возникли немецкие колонии. В результате изменений в административном делении региона 1920–1930-х гг. сформировались две группы-агломерации немецких поселений: Купинская немецкая колония (населенная украинскими немцами и ориентированная на омские немецкие колонии) и Андреевская (населенная преимущественно мигрантами из колоний правобережья Волги и ориентированная на немецкие колонии Алтайской Кулунды) – всего полтора десятка небольших деревень и хуторов, среди которых выделялось размерами и планировкой село Гоффенталь, основанное «самарскими» немцами. В Андреевском р-не (ныне Баганский) на 1930 г. немцы составляли 25 % населения [Шнейдер А. Р., 1930. С. 62].

В результате мероприятий аграрной и национальной политики Советского государства, прямых репрессивных акций НКВД кулундинские сибирско-немецкие села в течение 1930-х гг. понесли масштабные физические (арест и ликвидация большей части мужского населения), материальные (падение достатка в ходе коллективизации), моральные поте-

ри [Белковец Л. П., 1995]. После «большого террора» 1937–1938 гг. были прерваны связи с украинскими и омскими колониями, с ликвидацией национального сельсовета и последующими административными изменениями. Купинские колонии оказались поделены между двумя районами. Если расположенные по соседству, в рамках одного «куста» села Чистоозерного района Цветное Поле и Граничное продолжали «совместное» существование, то купинская Орловка оказалась к 1940-м гг. немецким «осколком» среди русско-украинских сел и казахских аулов.

Поволжские немцы – вторая по времени оформления и численно преобладающая на территории Северной Кулунды группа немецкого населения. На 1949 г. (последний «раздельный» обсчет немецкого населения Новосибирской области) в северокулундинских районах на 3 500 «коренных» приходилось 9 000 поволжских немцев (оценка произведена по данным АУМВД по НСО). На момент прибытия, в сентябре-октябре 1941 г., распределение по селам осуществлялось спешно, не считаясь с этническими особенностями расселения коренных жителей: и купинская Орловка, и андреевский Луганск приняли по несколько семей депортированных немцев.

Рассказы информантов – поволжских немцев о пребывании в переселенческих (русско-украинских) селах Кулунды полны описаний голода и унижений, но парадокс в том, что сибирско-немецкие деревни оказались в 1940-е гг. еще худшей принимающей средой для ссыльных поволжских немцев, так как в годы войны они оказались под двойным гнетом повинностей: из сельских обществ то-

---

* Автор выражает признательность профессору Л. П. Белковец за предоставленные материалы ГАНО и АУМВД по НСО.

тально изымали продукцию коллективных хозяйств, в то же время трудоспособное население (включая женщин от 17 до 55 лет) было мобилизовано в «трудармию».

Мобилизация местного немецкого населения в рабочие колонны не могла не отразиться на качестве и сроках выполнения полевых работ. По данным Л. П. Белковец, «после отправки немцев в рабочие колонны в октябре 1942 г. в ряде районов осталась половина трудоспособного населения. Так... в 13 немецких колхозах Андреевского р-на из 1 187 чел. [осталось] 465» [Белковец Л. П., 2003. С. 142]. В селе Луганск Андреевского р-на из 600 чел. довоенного населения к 1 января 1943 г. в «трудармию» было мобилизовано 117 мужчин и женщин (ОАС Карасукского р-на, ф. 8, оп. 1, п. к. Студеновского сельского совета (1940–1945 гг.). Районные власти не только не внесли коррективы в план военных поставок, но и подвергли санкциям председателей немецких колхозов. В частности, в ноябре 1942 г. председатели трех немецких колхозов Чистоозерного р-на были сняты с должностей и отданы под суд¹.

Результатом трудовых мобилизаций и низовых «хозяйственных» практик стал голод 1942–1943 гг. в сибирско-немецких селах Андреевского и Чистоозерного р-нов. *«Мать одна, нас пятеро, кушать нечего. Мерзлую картошку ели, лебеду собирали. Лужайки (здесь: картофельная кожура. – А. О.), собак, кошек ели. Мать за двадцать километров ходила в Лозовое зимой [милостыню] просить. «Марфа, ну дай кошку!» Зарезали кошку и съели. Послед от коровы ели...»* (ПМА, РАП, немка, 1926 г. рожд. – здесь и далее при ссылке на полевые материалы автора аббревиатурой в соответствии с нормами служебной этики обозначены имя, фамилия, отчество информатора). «По полученным данным от Чистоозерного РО НКВД в колхозах “Рот-Фронт” и “Карла Либкнехта” указанного района, вследствие острого недостатка продуктов питания имеют место ряд фактов опухания колхозников и членов их семей от недоедания. ...В тяжелом положении находятся дети, родители которых немцы мобилизованы на трудработы, а дети переданы на воспитание в колхоз, а фактически находятся в безнадзорном состоянии и без продуктов питания из-за отсутствия хле-

ба в колхозе. Двое детей семьи Герин в 11 и 13 лет живут одни, не имея дров и продуктов питания. В безнадзорном состоянии находятся двое детей семьи Брот и Кригер...»².

Ситуацию усугубила исходная неразвитость личных подсобных хозяйств (до войны немецкие колхозы считались передовыми, могли обеспечить «трудодни») и отсутствие навыков промысловых занятий. В период с 1941 по 1944 г. умерли 73 жителя Луганска. Осенью 1942 г. «выбывшими» (родители – в трудармии, дети – на попечении родственников) считались 25 дворов (ОАС Карасукского р-на, ф. 8, оп. 1, п. к. Студеновского сельского совета, 1940–1945 гг.).

В 1944–1945-х гг. в Андреевском р-не были ликвидированы 11 немецких колхозов, а вместе с ними и деревни Луганск, Шенфельд (теперь относятся к Карасукскому району), Розенталь. Та же участь постигла и села Варваровка, Граничное, Николаевка Чистоозерного р-на. С. Орловка Купинского р-на вошло в состав объединенного (вместе с двумя переселенческими деревнями) колхоза «Верный путь». За этими поступками районных руководителей (самочинных, вызвавших нарекания представителей НКВД и областного начальства), стоял в большей мере холодный расчет хозяйственника, нежели ксенофобия. Группы стариков и подростков не могли обеспечить плановые задания военных лет.

Население немецких колхозов разместили по переселенческим селам внутри районов. *«Людей [из Гоффенталя] повыселяли в Калачи, Ивановку, Новоивановку. В Анисимовке тоже много наших»* (ПМА, БЯЯ, немец, 1932 г. рожд.). *«В сорок четвертый год Нейфельд, Граничное, Николаевку – разогнали по Павловке и Новокрасному»* (ПМА, ЛШФ, немка, 1922 г. рожд.) *«В Граничном когда-то много было народу – 68 хозяйств, разбросали нас всех. Сюда мы приехали по выбору: спрашивали нас, куда поехать хотим. Все хозяйство переместили сюда, и скотину перегнали. Семей пятнадцать здесь [в Новой Кулынде] было с Граничного»* (ПМА, РЭА, немка, 1931 г. рожд.).

Семьи поволжских немцев (если в их составе еще находились трудоспособные люди) перешли в «русские» колхозы еще ранее: ресурсы личных хозяйств русских и украинских

¹ Ударник. 1942. 15 нояб. С. 2.

² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 233. Л. 171.

поселенцев, эпизодическая помощь принимающего председателя давали возможность выжить в качестве разнорабочего или же «клиента» – прислуги или нищего. В результате уже к середине 1940-х гг. основной принимающей средой для ссыльных поволжских немцев стало русское и украинское население переселенческих сел Кулунды. На территории Северной Кулунды на 1946 г. сохранились лишь три сибирско-немецких села: Цветное Поле (Чистоозерный р-н), Орловка (Купинский р-н), Октябрьское (Андреевский р-н). Но и в уцелевшей Орловке не было возможности как-то помочь ссыльным немцам. *«Меня в сорок восьмом судили – за жерди. Тридцать шесть жерденков спер. Полторы тысячи присудили, описать хозяйство, продать и возместить. А что у нас брать? Корова, куры, койки, тряпки. Приехал исполнитель, написал бумагу какую-то: нечего, мол, описывать»* (ПМА, КАГ, немец, 1938 г. рожд.).

Помимо отсутствия ресурсов, консолидации двух групп немецкого населения Северной Кулунды препятствовала и социальная специфика тоталитарного общества. Сибирские немцы Кулунды, которые для репрессивных органов были с 1938 г. «неблагонадежным элементом» – «членами семей изменников Родины», в 1940-х гг. отвергали депортированных немцев как «шпионов» и «фашистов».

«Весьма недоброжелательное» отношение к вновь прибывшим ссыльным немцам со стороны местных, сибирских немцев отмечает и Т. Б. Смирнова [2003. С. 20]. Собственно добавление к этнониму эпитета «местный» или «сибирский» произошло именно в военные годы и связано со стремлением дистанцироваться от ссыльных поволжских немцев у коренного немецкого населения. Это стремление было характерно не только для потомков украинских немцев, но и для «самарских» колонистов Андреевского р-на, говорящих на одном диалекте с депортированными немцами.

«Немцев здесь много было... Луганск – чисто немецкая деревня, здесь “свои” немцы, наши, сибирские. Тут и с Поволжья есть [немцы]. Ладу у них между собой не было» (ПМА, ММВ, украинец, 1925 г. рожд.). *«Драки даже были между поволжскими немцами и “своими”. После кино дрались: “наши” за русских были. Обзывали поволжских “фашистами”»* (ПМА, МНД, украинка, 1929 г. рожд.). Поволжские и сибирские немцы не ладили даже в

экстремальных условиях трудармии. *«Не дружили с орловскими. Вредные они были. Здоровье было у них крепкое – сибирские же. Обзывали нас [поволжских] всяко. Неприлично обзывали, на немецком. Как чуть – так по шею давали»* (ПМА, ЭОС, немец, 1924 г. рожд.).

Сибирские и поволжские немцы не были готовы к осознанию и решению общих этнокультурных проблем и после реабилитации 1956 г. Браки между поволжскими и сибирскими немцами в конце 1940 – начале 1950-х гг. – отнюдь не редкость. Однако такие союзы характерны преимущественно для переселенческих сел кулундинских районов, где принудительные мигранты с Волги и вынужденные переселенцы из ликвидированных сел обладали примерно равным статусом. Кроме того, подобные браки заключались сиротами, свободными от опеки родителей и кланов.

Факты перехода и обустройства поволжских немцев в сибирско-немецких селах относительно редки, несмотря на их территориальную близость и относительную свободу перемещения бывших спецпоселенцев внутри региона. Помимо водворенных в 1941 г. семей, немцы, «приселившиеся» в селах Александрово-Невский (Баганский р-н) и Орловка (Купинский р-н) за период 1960–1980 гг. – переселенцы из казахских колхозов Павлодарской области, ранее депортированные с Северного Кавказа и Левобережной Украины, а также их потомки. Подобное положение дел выглядит несколько необычным: потребность проживания в моноэтничном окружении сохранялась в середине 1950-х гг. у поволжских немцев среднего и старшего поколений.

Причины, по которым уцелевшие сибирско-немецкие села Кулунды не стали ни основной вмещающей средой для поволжских немцев, ни центрами возрождения консолидированной немецкой крестьянской культуры, кроются в демографии, экономике, специфике структур повседневности сибирско-немецкого села, а также в особенностях советской аграрной, национальной и культурной политики конца 1950–1960-х гг.

За исключением с. Октябрьское (Гоффенталь), сибирско-немецкие села Кулунды до конца 1950-х гг. находились в составе укрупненных «русских» колхозов, переживали упадок экономики. В 1960–1980-е гг. Цветное Поле, восстановленные Луганск, Павловка и Шейнфельд оставались маленькими, «неперспективными» селами. Сибир-

ско-немецкая деревня Орловка также к концу 1950-х гг. была одним из самых бедных поселений Купинского р-на.

Согласно данным личного архива В. В. Эделя, председателя колхоза им. Тельмана в 1959–1981 гг., на 1957 г. Орловское отделение колхоза «Верный путь» со 100 га площади сдавало государству 150 ц зерна и 6 ц мяса – результат ниже среднерайонного показателя (ПМА, ЭВВ, немец, 1923 г. рожд.).

Приехавшая в Орловку в 1958 г. Ольга Александровна Шиц застаёт деревню в темноте: «Сюда приехала, света еще не было. При фонарях ручных доили коров» (ПМА, ШОА, белоруска, 1941 г. рожд.). В том же 1958 г. поволжско-немецкая семья Лобес покинула Орловку: соседние целинные совхозы могли предложить лучшие условия жизни.

Удобная земля вокруг Орловки была освоена еще в 1920-е гг., увеличение товарности производства созданного в 1957 г. колхоза им. Тельмана происходило за счет аренды выпасных и сенокосных угодий у казахстанских хозяйств. «Коней казахам продавали. На их территории сено косили, а им подешевле, да получше лошадей продавали» (ПМА, ЭВВ, немец, 1923 г. рожд.).

Процветание Орловки в 1960–1970-х гг. достигалось также за счет интенсификации производства путем тотального повышения квалификации работников, селекции скота и диверсификации животноводства, эффективного и уместного внедрения новинок агротехники. Немецкий колхоз, все работники которого происходили из одного небольшого поселения (86 хозяйств на 1964 г.) (ОАС Купинского р-на, ф. 78, оп. 1, д. 89, 90), действительно был уникальным образованием среди агропромышленных гигантов – совхозов и объединенных колхозов Кулундинской хозяйственно-экономической зоны. Если крупные хозяйства знали бюрократизацию и устранение сельского общества из управления, то в Орловке мы наблюдаем прямо противоположный процесс.

«Заместителем председателя был Гуфт Фридрих. Но я его сократил. Зачем на такой колхоз заместитель председателя! Маленький ведь колхоз. Коллегиально все у нас решалось – я поднимал вопрос, правление решало. Самые большие вопросы общим собранием решали» (ПМА, ЭВВ, немец, 1923 г. рожд.).

Показатель средней детности на замужнюю жительницу Орловки от 19 до 39 лет со-

ставлял в 1964 г. 3,8 ед. (Подсчитано по ОАС Купинского р-на, ф. 78, оп. 1, д. 89, 90; оп. 3, д. 131–132). Несмотря на рост производства, часть населения покидает Орловку. Молодежь после окончания техникумов либо увольнения из армии отправляется «покорять города», более зрелые люди перебираются в соседний Казахстан. Достоверно, по отметкам в похозяйственных книгах и комментариям информантов, установлено выбытие 7 хозяйств общей численностью в 38 чел. в Талды-Курганскую обл. Казахстана в период 1961–1970 гг. *«Уезжали в Казахстан, в Талды-Курган. Появился тогда миф: хорошо там жить. Потом некоторые назад вернулись»* (ПМА, КАГ, немец, 1938 г. рожд.). Архивные данные подтверждают возвращение семьи Шиц после 8-летнего пребывания в Казахстане (ОАС Купинского р-на, ф. 78, оп. 3, д. 132).

В 1967 г. национальный колхоз им. Тельмана производил продукции в 8 раз больше, чем в 1957 г., будучи передовым по району. *«При моей работе 11 тысяч центнеров твердого плана сдавали государству. Вместо шести тысяч центнеров молока – сдавали восемь. Мяса – 1000 центнеров план – сдавали 1100. И так далее»* (ПМА, ЭВВ, немец, 1923 г. рожд.). При этом хозяйственная самостоятельность немецкого колхоза оставалась весьма относительной. *«Верхи определяли нам сроки и площади. Соотношение культур тоже определяли они»* (ПМА, ЭВВ, немец, 1923 г. рожд.). Бюрократический контроль в маленьком национальном колхозе эффективно заменялся формами управления, обусловленными локальной культурой: общее собрание колхозников на деле продолжало традиции сельского схода, честный и знающий председатель Эдель мог себе позволить «индивидуальный подход» к работнику. *«Главное – изучить людей, кто на что способен; знать их – кто добросовестный, кто – нет»* (ПМА, ЭВВ, немец, 1923 г. рожд.).

«Двери в деревне никогда не закрывались. Не воруют немцы... Орловка была чисто немецкая деревня. Бани топились по-черному. Мазали пол коровяком. Песком цветочки делали. Печка была низкая на улице. Стриглись, кто во что горазд. И кучи, кучи детей. Мне 5–6 лет было, когда в первый раз там появилась. Странно было. Чтоб вода нагрелась – гири в бочку бросали. Дым через двери...» (ПМА, ЛЭМ, немка, 1955 г. рожд.). *«Учетчик В. Эдель хорошо поставил учет*

труда. Каждый тракторист, прицепщик ежедневно знает о плодах своего труда и зарботке»³.

Помимо Казахстана, в 1960-е гг. орловцы переезжали в другие хозяйства района (4 семьи общей численностью 20 чел.), еще три семьи (общей численностью 15 чел.) не указали место выбытия (ОАС Купинского р-на, оп. 3, д. 131–132).

«При моей работе текучести не было. К нам мало кто ехал и мало кто поступал. Шли, в основном, немцы. Это было национальное хозяйство» (ПМА, ЭВВ, немец, 1923 г. рожд.). Бездельников в колхоз им. Тельмана не брали, а передовики сами не шли – они были дороги прежним хозяйствам, да и передовой результат в «русском» колхозе был обычной нормой в колхозе немецком. Вполне комфортно в скучной деревне, в маленьком колхозе, где все много работали и весьма скромно получали, чувствовали себя лишь баптисты. *«Присвоение классности большую роль тогда играло. Баптисты это быстро уловили: чем выше класс – тем выше зарплата. ... На классность учиться – все ходили прилежно»* (ПМА, ЭВВ, немец, 1923 г. рожд.). Однако «прилежание» помогло большей части взрослого населения Орловки преодолеть лишь начальную школу: пресвитер Николай Кайзер располагал лишь 4 классами образования, но за неполные пять лет из разнорабочего стал трактористом 1-го класса.

Первые шаги в отношении развития национальной культуры советских немцев были предприняты правительством лишь в конце 1960-х гг. «И лишь указ от 3 ноября 1972 г. “О снятии ограничений в выборе места жительства...”» оформил юридическую реабилитацию немцев [Смирнова Т. Б., 2002. С. 28]. Формы культурной и хозяйственной автономии советских немцев становятся легальными. Как известно, от «национальных по форме» (т. е. разнообразных) национальных культур требовалось «социалистическое содержание». Советская унификация 1960–1970-х гг. лишь подчеркивалась оттенками культурного многообразия. Две газеты (общесоюзная и казахстанская) и одно книжное издательство, шаблонные формы «самодеятельности» и усиленное изучение «хохдойч» в школах весьма слабо помогали адаптировать локальные,

«местечковые» культуры сибирских немцев к вызову времени.

Не только хозяйственная, но и этноязыковая автономия купинской Орловки была относительной. «Муттершпрах» обслуживал лишь бытовые нужды орловцев, был локализован в сферу женских сплетен и детских игр. Немалую роль в проникновении русского языка сыграла формализация хозяйственного устройства колхоза им. Тельмана. Председатель Эдель давал указания бригадиру Эделю на русском языке и поощрял «великим и могучим» передовую доярку Бегерт. Переходя на немецкий, все они становились родственниками и соседями. Колхозные собрания, равно как и их протоколы, велись на русском языке (ПМА, ЭВВ, немец, 1923 г. рожд.).

Совершенно непринужденно орловцы переименовывали друг друга, переходя на «официальный» русский язык. Вильгельм Вильгельмович Эдель как сосед и родственник именовался Wilhelm, либо Wilhelmfaeder («дядя Вильгельм»), а в качестве председателя колхоза – Василий Васильевич. Выбор языка зависел не только от сферы общения, но и от эмоционального строя беседы. «Компанией, бывало, выпьют – перепалки были. На немецком все шло. На русском только ругались» (ПМА, ЭВВ, немец, 1923 г. рожд.). Знание цензурного русского постигалось в школьном интернате, еще ранее – в «культурном стане» объединенного колхоза.

Даже местные кадровые и клановые проблемы орловцы нередко решали на русском языке и через районную газету. «Бригадир комплексной бригады колхоза им. Тельмана тов. Зильбернагель никак не может организовать питание на полевом стане... А. Шиц, А. Эдель, Ф. Гуфт, трактористы колхоза им. Тельмана»⁴. Орловцы не щадили своих, а с чужими и вовсе не церемонились. «На нашей ферме в последнее время стало много недостатков. И только потому, что зоотехник А. Мысова ослабила организационную работу. Например, мы, доярки, на ферму приходим в 6 часов утра, а она на 3–4 часа позже»⁵. «"Перелетная птаха" – так в колхозе им. Тельмана называют Галину Шмидке. И справедливо. Немного поработав в колхозе, она уехала в Чулымский р-н. Там ей не понравилось, и снова вернулась домой,

³ Коммунист. 1960. 6 мая. С. 2.

⁴ Маяк Кулунды. 1965. 19 мая. С. 2.

⁵ Коммунист. 1960. 6 января. С. 2.

в Купинский совхоз, но и там не отличилась в труде. Сейчас она, комсомолка, ходит по соседям и сплетничает. Э. Шмидке, скотник»⁶. «Галина Шмидке сноха его была, братова жена. Она русская была, не особо ладили между собой» (ПМА, ЭВВ, немец, 1923 г. рожд.). Маленький национальный колхоз давал немного возможностей для карьерного роста. «Эдмунд Шмидке кем был? Да никем не был. На молокоотделении работал» (ПМА, ЭВВ, немец, 1923 г. рожд.).

Естественное, без форсирующего воздействия внешних этнокультурных институций, саморазвитие маленькой общины сибирских немцев-протестантов проходило в условиях все возрастающих противоречий между интересами группы и индивида. Темп хозяйственной жизни в Орловке с момента основания задавало соперничество между конфессиями и кланами. Конфессиональный спор закончился в пользу баптистов. «Пока средней школы здесь не было – детей в интернат отвозили. Забирали в субботу, везти в воскресенье вечером. Проблема была – найти водителя трезвого. Лютеране часто пьяные были. Так вот, баптисты всегда трезвые были. На вызов – без отказа. Они добросовестны в работе были. Все зло – от водки. И они водку не пили» (ПМА, ЭВВ, немец, 1923 г. рожд.).

Протестантская трудовая этика хорошо сочеталась с советским культом труда, баптисты оказывали власти неподдельное уважение. «С обкома партии как-то приезжал секретарь, мы на молебен ходили. Нас в первый ряд посадили, специально подождали. Молебен вели для нас на русском языке. У меня дома секретарь сказал: «Ничего плохого здесь не вижу» (ПМА, ЭВВ, немец, 1923 г. рожд.). Орловская партячейка не всегда могла содержать освобожденного секретаря из-за малочисленности. Однако и основная функция коммунистов в социалистическом хозяйстве была мало востребована в немецком колхозе. «Свои коммунисты им не мешали. У них свое, у нас свое. Работали баптисты – понуждать не надо» (ПМА, ЭВВ, немец, 1923 г. рожд.).

В 1960-е гг. в Орловке еще сохранялись следы хозяйственной специализации представителей отдельных кланов. Вильгельм Вильгельмович был вторым Эделем-председателем, из Зильбернагелей выходили механизаторы

и шоферы; Штром был музыкантом в третьем поколении, а Бегерт – потомственным сапожником. Однако в большей степени на поддержание традиционных структур сибирско-немецкого села оказывала влияние его демографическая структура: старшее поколение орловцев было представлено почти исключительно вдовами 1938 г., чей авторитет мог колебать лишь пресвитер.

Орловские вдовы и старые девы совершенно не могли ужиться с русскими родственниками. Часть демобилизованных из трудармии сибирских немцев в родное село уже не вернулась; осели близ ими же построенных шахт и заводов. К нарушению эндогамии орловцев принуждали и весьма специфичные обстоятельства – 14 из 18 рожденных в 1940-х гг. детей были сводными братьями и сестрами, происходили от тогдашнего председателя Ивана Георгиевича Эделя. Его племянник, Вильгельм Эдель, вернулся в Орловку уже в 1957 г. с русской женой и двумя дочерьми – Людмилой и Валентиной. «Мы сидели с сестрой и играли в куклы. Бабушка все ворчала: “Poppolespiele!”». Она к нам антипатично относилась. Мама была русская: негативное к ней было отношение. Сидим за одним столом – папа, бабушка, сестры папины, мы – и сплетни, наветы... Сестры сбегутся – и пошло... Мама только замечала, что папа психовать начал» (ПМА, КВВ, немка, 1952 г. рожд.).

В Орловке смогли прижиться очень немногие приезжие: выехавшие сибирско-немецкие семьи в 1960-е гг. заменил «калейдоскоп» смешанных семей и временных союзов, по два-три года занимавших колхозные квартиры, затем распадавшихся или переезжавших в поисках лучшей доли. Оставались надолго собственно орловские уроженцы, да бывалые люди, жаждавшие покоя. Давид Давидович В-д был на 2001 г. единственным поволжским немцем Орловки, подолгу жил в Киргизии и Казахстане, в 1994 г. вернулся окончательно и в третий раз женился (ПМА, ВДД, немец, 1929 г. рожд.).

В целом орловское общество работало на изоляцию. Но при всех благах традиционного воспитания и проживания, большой мир маргинализованной русской культуры был предпочтительнее маленького национального колхоза. Выезжая в соседнее село, молодой орловец с радостью выходил из-под опеки строгих нормативов практически в «дикое поле». «Драки с другими деревнями были: наша де-

⁶ Коммунист. 1960. 6 января. С. 2.

ревня не боялась никого. Бывало, какого-нибудь парня загулявшего в соседней деревне “зажучат”: мы на мотоциклы, и туда! “Немцы приехали!” У нас все парни были на мотоциклах» (ПМА, КАГ, немец, 1938 г. рожд.). «... Брат его – шалопай из шалопаяев. Был он агрономом. Когда работал здесь, с конюшни ночами выводил лошадей и ночами ездил к невестам... Ну, немцы ж не все – ангелы» (ПМА, ЭВВ, немец, 1923 г. рожд.).

За «порчу нравов» в соседних русских деревнях студента-заочника Новосибирского сельхозинститута, члена РК ВЛКСМ Геннадия (Герберта) Т-на исключили из партии, его рекомендатели – Эдели получили выговор⁷.

Усиление ориентации сибирских немцев на «большую» русскую культуру можно проследить на эволюции орловского именника (подсчет проводился по похозяйственным книгам Стеклянского сельского совета Купинского р-на за 1969–1970 гг.: ОАС Купинского р-на, ф. 78, оп. 3, д. 131–132). Если в 1950-х гг. количество названных немецкими именами девочек почти десятикратно превышает число названных русскими именами, а имена мальчиков распределены равномерно, то в 1960-х гг. «русский тренд» в орловской ономастике становится очевидным.

В имянаречении сыграло свою роль появление русских родственников (хотя подсчет велся исключительно по сибирско-немецким семьям с Орловка). Но основным фактором здесь является принятие родителями ценностей модернизации и осознание значительных возможностей, открывающихся в маргинализованной русской культуре. И наоборот: школьный и армейский опыт показывал орловцам ряд неудобств немецкой этничности. Тем более, «нейтральное», свойственное и русской и сибирско-немецкой ономастике, имя подобрать было совсем несложно.

Русификация имен в Орловке происходит с 1930-х гг., как и ситуативный переход на русскую речь, в 1960-е гг. для немцев молодых и средних возрастов была совершенно естественным явлением. «Дедушку моего звали Курт Фридрихович Мюллер. А так – Константин Федорович Миллер. Оскара называли Константином, Хайнриха – Андреем, Вильгельма – Василием, Ирму – Ириной. Женские – меньше менялись. Урсулу – Ульяной на-

зывали, Бениту – Галиной, Ханну – Галей или Анной» (ПМА, ЛЭМ, немка, 1955 г. рожд.). «Анатолием меня тетка назвала. Мать хотела Адольфом назвать. Тетка образованная была, сказала, что это одно и то же имя. Убедила мать – та неграмотная была. Но дома мать меня Адольфом называла. С отчеством тоже так получилось. Отца в русских деревнях “Костей” звали, а потом меня “Константиновичем”. Как пенсию оформлять – [проблема:] в документах “Константинович”, в паспорте – “Готфридович” (ПМА, КАГ, немец, 1938 г. рожд.).

Примирить инерцию традиционализма с ценностями модернизации, возможно, удалось бы с помощью образования. Однако именно высокообразованные специалисты-«целевики» оказались самым неустойчивым элементом в орловской сельской общине. Для полноценного участия в хозяйственной жизни колхоза им. Тельмана хватало и Купинского СПТУ. Орловцев – выпускников вузов переманивали соседние хозяйства и районная власть. В результате сибирско-немецкая элита предпочитала ностальгию и гостевые визиты реальному участию в делах родной общины, была проводником, прежде всего, городской и русской культуры в Орловку.

«Наталья Тамбовская (“в девках” – Бергерт) – впоследствии веру приняла, а была неверующая. Она сначала и до конца неплохо работала. Всегда в передовых ходила. В Германии умерла. И пожила там недолго. Это она говорила, когда речь о создании автономии зашла: “Мы сидим уже на чемоданах, нам ничего не надо!”» (ПМА, ЭВВ, немец, 1923 г. рожд.).

«Автономия» в жизни орловцев состоялась уже в 1960-е гг. Но без коммуникаций «большой» советско-немецкой культуры Орловка оставалась немецкой протестантской резервацией, способной лишь суррогатно и фрагментарно поддержать этнокультурное достояние. В условиях отсутствия необходимой для актуализации родной культуры информации, образовательных, профессиональных и рекреационных технологий у человека был выбор: либо оставаться в скудеющем информационном поле своей культуры, превращаясь в ограниченного «нацмена», либо ассимилироваться в «большую» русскую культуру. Продуктивное сочетание этих двух путей, актуализация родной культуры за счет русской, было весьма сложной за-

⁷ Маяк Кулунды. 1965. 24 мая. С. 3.

дачей, посильной лишь для образованного человека с богатым жизненным опытом.

Для купинских поволжских немцев Орловка была своего рода заповедником, где можно было восстановить позабытые в иноэтничном окружении обычаи, сходить на лютеранскую службу, громко поговорить по-немецки на улице. Однако темпы и характер инноваций орловцев в традиционный быт были совершенно не престижны: например, деревянный пол в орловских кухнях появился лишь к концу 1960-х гг. (ПМА, КВВ, немка, 1952 г. рожд.). Поволжские немцы Кулунды 1960-х гг. были немного богаче сибирских не только по объемам целинных выплат и благоустройству усадеб. Они были богаче на иллюзию: о том, что счастье – это когда рядом все говорят и делают только по-немецки.

Список литературы

Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении. Новосибирск, 2003. 324 с.

Белковец Л. П. Большой террор и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е годы). М., 1995. 315 с.

Смирнова Т. Б. Немцы Сибири: этнические процессы и этнокультурное взаимодействие. Новосибирск, 2003. 88 с.

Смирнова Т. Б. Немцы Сибири: этнические процессы. Омск, 2002. 210 с.

Шнейдер А. Р. Округа и районы Сибирского края. Новосибирск, 1930. 261 с.

Материал поступил в редколлегию 28.03.2007